

ДИНАМИЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ И КОНСЕНСУС: ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ И АНАЛИЗ

Т. Д. Оганесян

Дипломатическая академия МИД России (Москва)

DYNAMIC INTERPRETATION OF INTERNATIONAL TREATIES AND CONSENSUS: EVOLUTION OF APPROACHES AND ANALYSIS

T. D. Oganessian

Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs (Moscow)

Аннотация: анализируются меняющиеся подходы к динамическому методу толкования и консенсуса, особенности их применения в практике международных судов. Сравнение развития подходов МАСПЧ и ЕСПЧ при применении динамического метода толкования выявило, что первый в меньшей степени настроен искать международно-правовой консенсус в качестве стандарта при расширительном толковании. Развитие динамического толкования международных договоров всё еще находится в стадии разработки, а правовые аспекты данного подхода еще не определены в полной мере.

Ключевые слова: динамическое толкование, право международных договоров, защита прав человека, международное правосудие, консенсус.

Abstract: the changing approaches to the dynamic method of interpretation and consensus, the specifics of their application in the practice of international courts are analyzed. Comparing the development of the approaches of the IACtHR and the ECtHR in applying the dynamic method of interpretation, it is revealed that the former is less inclined to seek international legal consensus as a standard for extended interpretation. The development of dynamic interpretation of international treaties is still under development, and the legal aspects of this approach have not yet been fully defined.

Key words: dynamic interpretation, the law of international treaties, protection of human rights, international justice, consensus.

Государства являются «хозяевами своих международных договоров»¹ не только в том смысле, что они могут заключать такие договоры и выходить из них, но и потому, что п. 3 ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. (далее – ВКПМД) требует, чтобы международные договоры толковались в свете последующих соглашений и последующей практики применения договора относительно толкования.

В этом положении признается важная и постоянная роль, которую участникам международных договоров разрешается играть в процессе развития толкования и применения этих договоров. На практике, когда государства делегируют международным судам и трибуналам полномочия по разрешению споров в соответствии с международными договорами по толкованию и применению этих международных договоров, они в том числе делегируют некоторые законотворческие функции этим судебным органам².

¹ Roberts A. Subsequent Agreements and Practice : the Battle over Interpretive Power // *Treaties and Subsequent Practice* / G. Nolte, ed. Oxford University Press, 2013. P. 95.

© Оганесян Т. Д., 2025

² См.: Boyle A., Chinkin C. *The Making of International Law*. OUP Oxford, 2007. P. 268.

Отечественным авторами не умаляется также роль государств «как творцов международного договора», сохраняющих «значительную свободу в вопросах как толкования норм международного договора, так и изменения договора своей последующей практикой»³.

Динамическое толкование со временем позволило международным судам расширительно толковать нормы международных договоров, основываясь на изменениях сегодняшнего дня. Практика динамического толкования является еще одним проявлением «искусства судей», которое постоянно балансирует между обеспечением стабильности, основанной на уважении принципа автономии воли сторон, и стремлением к необходимой гибкости, позволяющей «поддерживать актуальность международного договора путем достижения целей, для решения которых он был разработан»⁴. Развитие международного права и стремление к гармонизации являются важной несущей опорой динамичной интерпретации⁵.

Динамическое толкование, основанное на последующей практике, применяется в тех случаях, когда соответствующее толкование базируется на некоторых доказательствах первоначального намерения сторон международного договора. Согласно формулировке ВКПМД, международный договор интерпретируется с учетом развития событий на основе чего-либо о последующем поведении сторон, как толкование, основанное на «последующей практике». В этом смысле процесс толкования, по утверждению Уильяма Шабаса, представляет собой «не столько объективное упражнение в установлении смысла, сколько рационализацию взглядов, которые могут быть результатом установок и личных предрассудков»⁶. Поскольку объект и цель международных договоров по правам человека

отличаются от объектов и целей многих других международных договоров, толкование международных договоров по правам человека в конечном счете должно отличаться от толкования других видов договоров⁷.

Эволюция подходов к динамическому толкованию

Профессор Аарон Барак отмечает, что невозможно построить систему толкования, не признавая существования судебного усмотрения, однако «такое усмотрение должно быть ограничено рациональностью, последовательностью, непротиворечивостью и обоснованностью»⁸. По мнению бывшего председателя Верховного Суда Израиля Аарона Барака, в рамках динамического толкования судьи должны учесть «историю текста, общую социальную и историческую подоплеку толкуемого текста, прецедентное право, правовую культуру, фундаментальные ценности системы (с углубленным анализом) и сравнительное правоведение».

В рамках доклада, представленного председателем Исследовательской группы по изучению договоров в динамике г-ном Георгом Нольте, КМП предложила три подхода к толкованию международных договоров:

1. Конвенционный – присущ Международному Суду ООН, большинству судебных органов (Трибунал по урегулированию споров между Ираном и США, международные уголовные суды и трибуналы), которые, как правило, учитывают все способы толкования ст. 31 ВКПМД, не делая заметно большим или меньшим использование определенных средств интерпретации.

2. Ориентированный – преобладает ориентированность на текст договора; неохотно делается акцент на целенаправленном толковании.

3. Целенаправленный – присущ региональным судам по правам человека, а также Комитету по правам человека, уделяющим особое внимание при толковании объекту и цели договора⁹.

³ Исполинов А. С. Роль последующей практики государств в праве международных договоров // Законодательство. 2016. № 9. С. 79.

⁴ Dupuy P.-M. Evolutionary Interpretation of Treaties : Between Memory and Prophecy // The Law of Treaties Beyond the Vienna Convention / ed. by Enzo Cannizzaro. Oxford Scholarly Authorities on International Law, 2011. P. 137.

⁵ См.: Клокке Д. Динамическое толкование ЕКПЧ в свете документов Совета Европы // Дайджест Публичного Права Гейдельбергского Института Макса Планка по зарубежному публичному и международному праву. 2015. № 1. С. 58.

⁶ Schabas A. W. The European Convention on Human Rights : a Commentary. Oxford University Press, 2015. P. 33.

⁷ См.: Andenas M., Bjorge E. A Farewell to Fragmentation : the convergence of the methods of treaty interpretation : different regimes, different methods of interpretation? Cambridge University Press, 2015. P. 513.

⁸ Barak A. Purposive Interpretation in Law. Princeton University Press, 2011. P. 14.

⁹ См.: Доклад, представленный председателем Исследовательской группы по изучению договоров в динамике г-ном Георгом Нольте, в рамках 63-й сессии КМП (8 августа 2011 г.). URL: https://legal.un.org/docs/?path=../ilc/sessions/63/pdfs/treaties_over_time_sg_chair_report_28aug2011.pdf&lang=E (дата обращения: 12.02.2025).

Эйрик Бьорге подчеркивает, что динамическое толкование зависит от намерения сторон договора и является результатом применения ст. 31–33 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.¹⁰ Пункт 3 ст. 31 ВКПМД еще больше расширяет сферу применения методологии толкования, требуя учитывать важные дополнительные аспекты: «3. Наряду с контекстом учитываются: ... б) последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования; с) любые соответствующие нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками»¹¹. В связи с этим данная норма сыграла решающую роль в развитии динамического метода толкования международных договоров.

Судья МС ООН Алехандро Альварес отметил причины снижения важности подготовительной работы при толковании международных норм: «Растущий динамизм международной жизни делает необходимым, чтобы тексты по-прежнему соответствовали новым условиям общественной жизни... Поэтому при толковании международных договоров ... необходимо смотреть в будущее, т. е. учитывать новые условия, а не оглядываться назад и не прибегать к подготовительным материалам. Международный договор или текст, который однажды был принят, обретает свою собственную жизнь. Следовательно, при его интерпретации мы должны учитывать требования современной жизни, а не намерения тех, кто его создал»¹².

Как отмечает Пьер-Мари Дюпюи, в международных нормах имеется пробел, который предоставляет некоторое пространство для маневра тем, кто желает принять динамический подход к толкованию¹³. В то же время концепция консенсуса и принцип правовой определенности накладывают ограничения на использование доктрины «живого инструмента». Комитет ООН по пра-

вам человека заявил, что динамическое толкование должно быть сбалансировано с необходимостью «обеспечивать как последовательность, так и непротиворечивость... судебной практики»¹⁴. Аналогичным образом Европейский суд признал, что «в интересах правовой определенности и предсказуемости он не должен без уважительной причины отходить от своей прецедентной практики»¹⁵.

Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) также подчеркивает «особый характер» Конвенции как договора о защите прав человека при ее толковании. Например, в постановлении по делу *Soering v. UK* Суд отметил, что «при толковании Конвенции необходимо учитывать ее особый характер как договора о коллективном обеспечении соблюдения прав человека и основных свобод»¹⁶. В деле *Rantsev v. Cyprus and Russia* ЕСПЧ пришел к выводу, что традиционная концепция «рабства», как она определена в Конвенции о рабстве 1926 г., развилась в более поздних документах международного права и стала охватывать формы современного рабства, включая торговлю людьми¹⁷.

Судьи ЕСПЧ часто используют динамический метод толкования при вынесении особых мнений в попытке расширить конвенционные права: «право на надежду» в отношении заключенных, отбывающих пожизненное лишение свободы (*Vinter and Others v United Kingdom*, 2013) или «право на правду» (*El-Masri v Former Yugoslav Republic of Macedonia*, 2012). По словам А. И. Ковлера, одной из мотиваций особого мнения судьи является желание повлиять на позиции ЕСПЧ в будущем, если судья уверен, что изменение этих позиций назрело.

Судейский активизм в рамках эволютивного толкования вызывает немало разногласий среди государств – членов Совета Европы. Следует также признать, что немало эволютивных постановлений, вынесенных ЕСПЧ, были приняты благодаря судейскому активизму и игнорировали европейский консенсус. В этом смысле чрез-

¹⁰ См.: *Bjorge E. Introducing the Evolutionary Interpretation of Treaties*. 2014. URL: <https://www.ejiltalk.org/introducing-the-evolutionary-interpretation-of-treaties/> (дата обращения: 12.02.2025).

¹¹ Венская конвенция о праве международных договоров : принята 23 мая 1969 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 12.02.2025).

¹² ICJ 1950 Reports at p. 18. See Judge Alvarez in the Second Admissions Case. URL: <https://www.icj-cij.org/case/9> (дата обращения: 12.02.2025).

¹³ См.: *Dupuy P.-M.* Op. cit. P. 127.

¹⁴ *Judge v. Canada*, International covenant on civil and political rights. 13 August 2003. § 10.3.

¹⁵ ECtHR. *Mamatkulov and Askarov v. Turkey*, nos. 46827/99, 46951/99, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 4 February 2005, § 121.

¹⁶ ECtHR. *Soering v. UK*. No. 14038/88, Judgment of 7 July 1989, § 87.

¹⁷ ECtHR. *Rantsev v. Cyprus and Russia*. No. 25965/04, Judgment of 7 January 2010, 2010, § 282.

мерный судейский активизм при расширительном толковании конвенционных норм стал также одной из причин денонсации Конвенции, о чем 15 марта 2022 г. российское Правительство проинформировало Генерального секретаря Совета Европы.

Стивен Уитли справедливо отмечает, что любое изменение толкования Конвенции требует четкого обоснования, поскольку государство-участник, соблюдающее «старую» интерпретационную позицию, будет признано категорически нарушившим свои обязательства по международному праву, как только Суд примет свое «новое» понимание¹⁸. В этом смысле ЕСПЧ в деле *Micallef v. Malta* признал, что неспособность поддерживать «динамичный и развивающийся» подход к толкованию может привести к тому, что интересы правовой определенности и последовательности станут препятствием для развития прав¹⁹.

Марко Бошняк, Кацпер Заяц отмечают, что ЕСПЧ, по своей сути, не является «активистским судом» и «что на первый взгляд кажется судебным активизмом, на самом деле является просто феноменом судебного правотворчества, присутствующим во всех правовых юрисдикциях»²⁰. В деле *Loizidou v. Turkey* (1995) Суд заявил о непрактичности толкования Конвенции исключительно на основании намерения договаривающихся сторон, выраженного более 40 лет назад²¹. Международный суд ООН в 1958 г. постановил, что нормы международного договора следует толковать с «осторожностью»²².

Критики динамического толкования утверждают, что при ратификации государства согласились отстаивать права, заявленные составителями лишь в первоначальном тексте. По их мнению, ЕСПЧ действовал незаконным образом, закрепляя дополнительные обязательства *ex post facto* в Конвенции без явно выраженного согла-

сия договаривающихся государств. Что касается вопроса толкования, то в подготовительных материалах международных договоров содержится мало существенного: участники переговоров упоминают о толковании исключительно тогда, когда выражают свое особое понимание отдельных статей, и не обсуждают пределы и масштабы будущих изменений, а тем более не упоминают, какой подход к толкованию они считают предпочтительным²³. Объект и цель договора также связаны с доктриной эффективности, отраженной в максиме: «*Ut res magis valeat quam pereat*». Международный договор может толковаться расширительно, чтобы гарантировать, что все его положения имеют независимое значение (*effet utile*).

Международные суды при применении динамического толкования могут сосредоточиться на консенсусе, достигнутом с помощью международно-правовых материалов, сузив тем самым пределы усмотрения государства в отношении рассматриваемого права. В этом случае, как подчеркивает, Димитриос Кагиарос, международный суд просто подсчитывает государства, которые согласны или не согласны с конкретным требованием о правах, выдвинутым меньшинством²⁴. В рамках динамического толкования международные суды не определили точный процент консенсуса, однако можно выявить некоторые тенденции. Например, в деле *Schwizgebel v. Switzerland* отсутствие консенсуса было подчеркнуто ЕСПЧ, когда консенсус подтверждался всего 16 государствами из сорока семи²⁵. В постановлении по делу *Sitaropoulos and Giakoumopoulos v. Greece* Большая Палата ЕСПЧ подтвердила консенсус, признаваемый практикой 29 из 33 государств-членов, будет актуальной²⁶. Важно понимать, что каждый раз выявление консенсуса посредством процентного соот-

¹⁸ См.: Wheatley S. Interpreting the ECHR in Light of the Increasingly High Standards Being Required by Human Rights : Insights from Social Ontology // Human Rights Law Review. 2024. Vol. 24, Issue 1. P. 3.

¹⁹ ECtHR. *Micallef v. Malta*. Application No 17056/06, Judgment of 15 October 2009, § 81.

²⁰ Bošnjak M., Zajac K. Judicial Activism and Judge-Made Law at the ECtHR // Human Rights Law Review. 2023. Vol. 23, Issue 3. P. 1.

²¹ ECtHR. *Loizidou v. Turkey* (Preliminary objections). No 15318/89. ECtHR, 23 March 1995, § 71.

²² ICJ. *Governing the Guardianship of Infants - Netherlands v Sweden*, 10 July 1957. § 116.

²³ См.: Theil S. Is the 'Living Instrument' Approach of the European Court of Human Rights Compatible with the ECHR and International Law? // European Public Law. 2017. Vol. 23(3). P. 602.

²⁴ См.: Kagiros D. When to use European Consensus : Assessing the differential treatment of minority groups by the European Court of Human Rights // Building Consensus on European Consensus Judicial Interpretation of Human Rights in Europe and Beyond. Cambridge University Press, 2019. P. 299.

²⁵ ECtHR. *Schwizgebel v. Switzerland*, No. 25762/07, Judgment of 10 June 2010, § 23-32.

²⁶ ECtHR. *Sitaropoulos and Giakoumopoulos v. Greece*, [GC], No. 42202/07, Judgment of 15 March 2012, § 32-45.

ношения мнений государств осуществляется по усмотрению Суда. При этом ЕСПЧ отметил, что «даже если невозможно определить общий европейский подход к проблеме, это само по себе не может быть определяющим в вопросе»²⁷. Из этого также следует, что ЕСПЧ не рассматривает консенсус как означающий всеобщее согласие, он также допускает меньшие формы консенсуса, такие как тенденции. При этом доктрина консенсуса является эффективным средством влияния национальных властей на толкование конвенционных норм.

Как отмечает старший преподаватель юридического факультета Университета Южной Австралии Лукас Лексински, динамическое толкование Конвенции на основе консенсуса – это такое толкование, которое «почти требует от государств-участников предварительного одобрения стандарта до вмешательства ЕСПЧ»²⁸.

По мнению Константина Дегтярева, функциями консенсусного толкования являются: 1) повышение легитимности регионального суда по правам человека; 2) убедить государства-участники в указанной законности и тем самым сделать судебное решение более приемлемым; 3) избежать произвольного принятия решений; 4) определить сферу субсидиарности; 5) помочь суду в решении новых вопросов толкования международного договора или иных спорных или важных вопросов²⁹.

В то же время Йенс Тейлен утверждает, что процесс поиска Судом европейского консенсуса не является «объективным» и во многом зависит от «личных ценностей судей»³⁰.

На примере Европейской конвенции по правам человека 1950 г. можно заметить, что в соответствии со ст. 32 Конвенции юрисдикция ЕСПЧ распространяется на все вопросы, касающиеся толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней. Однако сам текст Конвенции не является единственным справочным мате-

риалом, на который опирается аргументация Страсбурга. Положительный вклад использования «внешних источников», несомненно, заключается в продвижении к если не единообразному, то, по крайней мере, «гармонизированному праву» в области прав человека³¹.

Например, в деле *Demir and Baykara v. Turkey* ЕСПЧ отметил: «При определении значения терминов и понятий в тексте Конвенции могут и должны приниматься во внимание элементы международного права, отличные от Конвенции, толкование таких элементов компетентными органами и практика европейских государств, отражающая их общие ценности. Консенсус, вытекающий из специализированных международных документов и практики Договаривающихся государств, может представлять собой важное соображение для Суда, когда он толкует положения Конвенции в конкретных случаях. ... Государству-ответчику необязательно ратифицировать всю совокупность документов, которые применимы в отношении конкретного предмета соответствующего дела. Суду будет достаточно того, что соответствующие международные документы указывают на непрерывную эволюцию норм и принципов, применяемых в международном праве или во внутреннем законодательстве большинства государств – членов Совета Европы, и показывают в конкретной области, что в современных обществах существуют точки соприкосновения»³².

Данную логику поддерживает и бывший заместитель председателя ЕСПЧ Христос Розакис, который считает, что «правовая система Конвенции не является водонепроницаемой, самодостаточной системой. Она находится в постоянном диалоге с другими правовыми системами. Европейский суд по правам человека и его судьи работают не в гордом одиночестве в башне из слоновой кости, построенной из материалов, взятых исключительно из интерпретационных изобретений ЕСПЧ или государств – участников Конвенции»³³.

²⁷ ECtHR. *Hirst v. the United Kingdom (no. 2)*, 74025/01. Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 6 October 2005, § 81.

²⁸ Lixinski L. The Inter-American Court of Human Rights' Tentative Search for Latin American Consensus // Kapotas P, Tzevelekos V., eds. Building Consensus on European Consensus: Judicial Interpretation of Human Rights in Europe and Beyond. Cambridge University Press, 2019. P. 337.

²⁹ См.: Dzehtsiarou K. European Consensus and the Legitimacy of the European Court of Human Rights. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 184.

³⁰ См.: Theil S. Op. cit. P. 593.

³¹ См.: Tulkens F., Van Drooghenbroeck S., Krenck F. Le soft law et la Cour européenne des droits de l'homme. Questions de légitimité et de méthode // Les sources du droit revisitées / Hachez I., Cartuyvels Y., Dumont H., Gérard P., Ost F., Van de Kerchove M. (eds.). Anthémis: Louvain-la-Neuve, 2012. Vol. 1: Normes internationales et constitutionnelles. P. 382.

³² ECtHR. *Demir and Baykara v. Turkey* [GC], No 34503/97, 12 November 2008, § 85.

³³ Rozakis C. The European Judge as a Comparatist // Tulane Law Review. 2005. Vol. 80. P. 278.

Сравнивая подходы МАСПЧ и ЕСПЧ при применении динамического метода толкования, можно заметить, что МАСПЧ в меньшей степени настроен искать международно-правовой консенсус в качестве стандарта при расширительном толковании. Например, в деле *Mapiripán Massacre v. Colombia* при решении вопроса об ответственности государства за нарушения прав человека, совершенные негосударственными субъектами, МАСПЧ не придавал значение общим нормам международного права, отметив независимость прав человека от общей международной правовой системы: «Хотя в самой Американской конвенции для ее толкования и применения прямо содержатся ссылки на нормы общего международного права, обязательства, изложенные в статьях 1(1) и 2 Конвенции, в конечном счете являются основой для установления международной ответственности государства за нарушения положений Конвенции. Этот указанный документ представляет собой *lex specialis* в отношении ответственности государств ввиду его особого характера как международного договора по правам человека по сравнению с общим международным правом. Следовательно, возложение международной ответственности на государство, а также объем и последствия признания, сделанного в данном случае, должны осуществляться в свете самой Конвенции»³⁴.

Что касается препятствий, стоящих на пути согласованного консенсуса в Страсбургском суде, то отмечается следующее. Огромное количество дел подавляет творческий подход судей: «при рассмотрении 45 576 дел в 2015 г. средний судья ЕСПЧ рассматривал 970 дел в год, что в среднем составляет 2,7 случая в день»³⁵. Кроме того, большое количество судей препятствует формированию единого мнения на какой-либо последовательной основе: «иногда трудно согласовать... идеологические, политические и правовые взгляды 47 судей, каждый из которых получил образование и юридическую и профессиональную зрелость в различных правовых системах, некоторые из них в другой правовой традиции

или даже в другой экономической и политической системе»). К этому относятся также языковые барьеры: «подавляющее большинство судей обязаны общаться и работать на своем втором или даже третьем языке». И последнее, что отмечает Я. Кукавица: ЕСПЧ никогда не собирается на заседания в полном составе (46 судей): «данный факт делает крайне маловероятным, что Суд сможет выработать последовательную концепцию Европейского суда по правам человека»³⁶.

Динамическое толкование международных договоров со временем превратилось в необходимый инструмент в ответ на меняющийся характер международного права. Неизбежность применения международными судами динамического толкования заключается в том, что «ни одна правовая система не может оставаться в состоянии застоя»³⁷. Однако существование неясностей в применении данного метода толкования, в частности отсутствие четких количественных критериев определения консенсуса, ставит под сомнение саму легитимность метода консенсуса.

Среди юристов-международников в настоящее время складывается консенсус в отношении того, что, во-первых, суды по правам человека всё более активно применяют динамическое толкование, основываясь на нормах ВКПМД. Во-вторых, несмотря на различия в подходах между различными судами по правам человека, международные суды при применении динамического толкования ссылаются на широкий спектр документов по правам человека. В-третьих, динамическое толкование международных договоров всё еще находится на стадии разработки, и правовые аспекты данного подхода еще не определены в полной мере. Это многогранная правовая конструкция, которую международные суды и трибуналы разрабатывают несколько поэтапно.

Библиографический список

Исполинов А. С. Роль последующей практики государств в праве международных договоров // Законодательство. 2016. № 9. С. 79–87.

Клокке Д. Динамическое толкование ЕКПЧ в свете документов Совета Европы // Дайджест Публичного Права Гейдельбергского Института

³⁴ Case of the 'Mapiripán Massacre' v. Colombia. Merits, Reparations and Costs. Judgment of 15 September 2005. Series C. No. 134, § 107.

³⁵ Kukavica J. National Consensus and the Eighth Amendment // Building Consensus on European Consensus: Judicial Interpretation of Human Rights in Europe and Beyond / P. Kapotas, V. P. Tzevelekos (eds.). Cambridge University Press, 2019. P. 370.

³⁶ Ibid. P. 383.

³⁷ McLachlan C. The Evolution of Treaty Obligations in International Law // Treaties and Subsequent Practice / G. Nolte, ed. Oxford University Press, 2013. P. 69.

Макса Планка по зарубежному публичному и международному праву. 2015. № 1. С. 51–80.

Andenas M., Bjorge E. A Farewell to Fragmentation : the convergence of the methods of treaty interpretation : different regimes, different methods of interpretation? Cambridge University Press, 2015. 606 p.

Barak A. Purposive Interpretation in Law. Princeton University Press, 2011. 448 p.

Bjorge E. Introducing the Evolutionary Interpretation of Treaties. 2014. URL: <https://www.ejiltalk.org/introducing-the-evolutionary-interpretation-of-treaties/>

Boyle A., Chinkin C. The Making of International Law. OUP Oxford, 2007. 368 p.

Bošnjak M., Zajac K. Judicial Activism and Judge-Made Law at the ECtHR // *Human Rights Law Review*. 2023. Vol. 23, Issue 3. P. 1–15.

Dzehtsiarou K. European Consensus and the Legitimacy of the European Court of Human Rights. Cambridge : Cambridge University Press, 2015. 229 p.

Dupuy P.-M. Evolutionary Interpretation of Treaties : Between Memory and Prophecy // *The Law of Treaties Beyond the Vienna Convention* / ed. by Enzo Cannizzaro. Oxford Scholarly Authorities on International Law, 2011. P. 123–137.

Kagiros D. When to use European Consensus: Assessing the differential treatment of minority groups by the European Court of Human Rights // *Building Consensus on European Consensus Judicial Interpretation of Human Rights in Europe and Beyond*. Cambridge University Press, 2019. P. 283–310.

Kukavica J. National Consensus and the Eighth Amendment // *Building Consensus on European Consensus : Judicial Interpretation of Human Rights in Europe and Beyond* / P. Kapotas, V. P. Tzevelekos (eds.). Cambridge University Press, 2019. P. 364–391.

Lixinski L. The Inter-American Court of Human Rights' Tentative Search for Latin American Consensus // Kapotas P, Tzevelekos V., eds. *Building Consensus on European Consensus : Judicial Interpretation of Human Rights in Europe and Beyond*. Cambridge University Press, 2019. P. 337–363.

McLachlan C. The Evolution of Treaty Obligations in International Law // *Treaties and Subsequent Practice* / G. Nolte, ed. Oxford University Press, 2013. P. 69–81.

Roberts A. Subsequent Agreements and Practice : the Battle over Interpretive Power // *Treaties and Subsequent Practice* / G. Nolte, ed. Oxford University Press, 2013. P. 95–102.

Rozakis C. The European Judge as a Comparatist // *Tulane Law Review*. 2005. Vol. 80. P. 257–280.

Schabas A. W. The European Convention on Human Rights : a Commentary. Oxford University Press, 2015. 1434 p.

Theil S. Is the 'Living Instrument' Approach of the European Court of Human Rights Compatible with the ECHR and International Law? // *European Public Law*. 2017. Vol. 23(3). P. 587–614.

Tulkens F., Van Drooghenbroeck S., Krenck F. Le soft law et la Cour européenne des droits de l'homme. Questions de légitimité et de méthode // *Les sources du droit revisitées* / Hachez I., Cartuyvels Y., Dumont H., Gérard P., Ost F., Van de Kerchove M. (eds.). Anthémis : Louvain-la-Neuve, 2012. Vol. 1: Normes internationales et constitutionnelles. P. 381–431.

Wheatley S. Interpreting the ECHR in Light of the Increasingly High Standards Being Required by Human Rights : Insights from Social Ontology // *Human Rights Law Review*. 2024. Vol. 24, Issue 1. P. 1–23.

References

Ispolinov A. S. The role of subsequent State practice in the law of international treaties // *Legislation*. 2016. No. 9. P. 79–87.

Klokke D. Dynamic Interpretation of the ECHR in the light of Council of Europe documents // *Digest of Public Law of the Heidelberg Max Planck Institute for Foreign Public and International Law*. 2015. No. 1. P. 51–80.

Andenas M., Bjorge E. A Farewell to Fragmentation : the convergence of the methods of treaty interpretation : different regimes, different methods of interpretation? Cambridge University Press, 2015. 606 p.

Barak A. Purposive Interpretation in Law. Princeton University Press, 2011. 448 p.

Bjorge E. Introducing the Evolutionary Interpretation of Treaties. 2014. URL: <https://www.ejiltalk.org/introducing-the-evolutionary-interpretation-of-treaties/>

Boyle A., Chinkin C. The Making of International Law. OUP Oxford, 2007. 368 p.

Bošnjak M., Zajac K. Judicial Activism and Judge-Made Law at the ECtHR // *Human Rights Law Review*. 2023. Vol. 23, Issue 3. P. 1–15.

Dzehtsiarou K. European Consensus and the Legitimacy of the European Court of Human Rights. Cambridge : Cambridge University Press, 2015. 229 p.

Dupuy P.-M. Evolutionary Interpretation of Treaties : Between Memory and Prophecy // *The Law of Treaties Beyond the Vienna Convention* / ed. by Enzo Cannizzaro. Oxford Scholarly Authorities on International Law, 2011. P. 123–137.

Kagiros D. When to use European Consensus: Assessing the differential treatment of minority groups by the European Court of Human Rights // *Building Consensus on European Consensus Judicial Interpretation of Human Rights in Europe and Beyond*. Cambridge University Press, 2019. P. 283–310.

Kukavica J. National Consensus and the Eighth Amendment // *Building Consensus on European*

Consensus : Judicial Interpretation of Human Rights in Europe and Beyond / P. Kapotas, V. P. Tzevelekos (eds.). Cambridge University Press, 2019. P. 364–391.

Lixinski L. The Inter-American Court of Human Rights' Tentative Search for Latin American Consensus // Kapotas P, Tzevelekos V., eds. Building Consensus on European Consensus : Judicial Interpretation of Human Rights in Europe and Beyond. Cambridge University Press, 2019. P. 337–363.

McLachlan C. The Evolution of Treaty Obligations in International Law // Treaties and Subsequent Practice / G. Nolte, ed. Oxford University Press, 2013. P. 69–81.

Roberts A. Subsequent Agreements and Practice : the Battle over Interpretive Power // Treaties and Subsequent Practice / G. Nolte, ed. Oxford University Press, 2013. P. 95–102.

Rozakis C. The European Judge as a Comparatist // Tulane Law Review. 2005. Vol. 80. P. 257–280.

Schabas A. W. The European Convention on Human Rights : a Commentary. Oxford University Press, 2015. 1434 p.

Theil S. Is the 'Living Instrument' Approach of the European Court of Human Rights Compatible with the ECHR and International Law? // European Public Law. 2017. Vol. 23(3). P. 587–614.

Tulkens F., Van Drooghenbroeck S., Krenck F. Le soft law et la Cour européenne des droits de l'homme. Questions de légitimité et de méthode // Les sources du droit revisitées / Hachez I., Cartuyvels Y., Dumont H., Gérard P., Ost F., Van de Kerchove M. (eds.). Anthémis : Louvain-la-Neuve, 2012. Vol. 1: Normes internationales et constitutionnelles. P. 381–431.

Wheatley S. Interpreting the ECHR in Light of the Increasingly High Standards Being Required by Human Rights : Insights from Social Ontology // Human Rights Law Review. 2024. Vol. 24, Issue 1. P. 1–23.

Дипломатическая академия МИД России (Москва)

Оганесян Т. Д., кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права
E-mail: t.oganesian@mail.ru

Поступила в редакцию: 16.03.2025

Для цитирования:

Оганесян Т. Д. Динамическое толкование международных договоров и консенсус: эволюция подходов и анализ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 254–261. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/254-261>

Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs (Moscow)

Oganesian T. D., PhD in Law, Associate Professor of the Department of International Law
E-mail: t.oganesian@mail.ru

Received: 16.03.2025

For citation:

Oganesian T. D. Dynamic interpretation of international treaties and consensus: evolution of approaches and analysis // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 254–261. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/254-261>